

От переводчика

Книга Габриэля Гарсии Маркеса называется «Memorias de mis putas tristes». Испанское слово «puta», означающее «продажная женщина», — нецензурное, срамное. Почему Гарсия Маркес, большой писатель, замечательный мастер слова, вынес в заглавие это грязное ругательство? Я думаю, дело в том, что герой, вспоминая своих не таких уж скверных, а скорее несчастных женщин, с которыми он имел дело, определяет этим словом свою жизнь, бездарно растраченную на безлюбый секс, не затрагивающий души. Этот заголовок — вопль о пропавшей жизни, в которой утехи плоти оказались самоцелью, а безлюбый секс, по выражению авто-

ра, — «утешение тех, кого не настигла любовь».

Мне кажется, что горечь этой книги еще и в том, что большой художник уловил симптомы болезни, поразившей не просто отдельную личность или поколение, но наше время, а может быть, даже и цивилизацию. Он словно увидел из своей Колумбии вереницы молоденьких девушек, стоящих на обочинах шоссейных дорог и на уличных углах во всем мире. Это не жрицы любви, не роскошные куртизанки, не модные пуганы и даже не бывалые проститутки. Это — блядушки, молоденькие, заблудшие девчонки, потерявшие всякие ориентиры в жизни и не умеющие примирить свои унылые, полуголодные будни с гламурными картинками в телевизоре. Они еще не знают, какую страшную цену им придется платить, сколько останутся на обочине, больные и никому не нужные, ожесточатся и станут платить злом за зло, бросать своих детей, спиваться...

Я перевела бы название этой книги «Вспоминая моих несчастных блядушек»,

потому что ни одно другое слово из этого ряда не передает боли автора, заключенной в сочетании «putas tristes».

И все-таки эта книга — о любви.

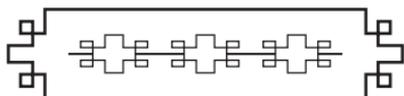
Прекрасная и гибельная любовь настигает героя на пороге небытия. Она наполняет его существование смыслом, открывает ему иное видение привычных вещей и вдыхает живое тепло в его ставшую холодным ремеслом профессию.

И еще эта книга — о старости. О той поре, когда желания еще живы, а силы уже на исходе, и человеку остается последняя мудрость — увидеть без прикрас и обманных иллюзий всю красоту, жестокость и невозвратную быстротечность жизни.

Л. Синянская

Он не должен был позволять себе дурного вкуса, сказала старику женщина с постоянного двора. Не следовало вкладывать палец в рот спящей женщины или делать что-нибудь в этом же духе.

Ясунари Кавабата. Дом спящих красавиц

1

В день, когда мне исполнилось девяносто лет, я решил сделать себе подарок — ночь сумасшедшей любви с юной девственницей. Я вспомнил про Росу Кабаркас, содержательницу подпольного дома свиданий, которая в былые дни, заполучив в руки свеженькое, тотчас же оповещала об этом своих добрых клиентов. Я не соблазняялся на ее гнусные предложения, но она не верила в чистоту моих принципов. А кроме того, мораль — дело времени, говаривала она со злорадной усмешкой, придет пора, сам увидишь. Она была чуть моложе меня, и я много лет ничего о ней не слышал, так что

вполне могло случиться, что она уже умерла. Но при первых же звуках я узнал в телефонной трубке ее голос и безо всяких предисловий выпалил:

— Сегодня — да.

Она вздохнула: ах, мой печальный мудрец, пропадаешь на двадцать лет и возвращаешься только за тем, чтобы попросить невозможное. Но тут же ее ремесло взяло верх, и она предложила мне на выбор полдюжины восхитительных вариантов, но увы — да, все бывшие в употреблении. Я стоял на своем, это должна быть девственница и именно на сегодняшнюю ночь. Она встревоженно спросила: А что ты собираешься испытать? Ничего, ответил я, раненный в самое больное, я сам хорошо знаю, что могу и чего не могу. Она невозмутимо заметила, что мудрецы знают все, да не все: единственные Девы, которые остались на свете, это — вы, рожденные в августе под этим знаком. Почему ты не известил меня заранее? Вдохновение не оповещает, сказал я. Но может и подождать, сказала она, всегда знающая все

лучше любого мужчины, и попросила, нельзя ли дать ей хотя бы дня два, чтобы хорошенько прозондировать рынок. Я совершенно серьезно возразил ей, что в таких делах, как это, в моем возрасте каждый час идет за год. Нельзя, так нельзя, сказала она без колебаний, но ничего, так даже интереснее, черт возьми, я позвоню тебе через часик.

Этого я мог бы и не говорить, потому что это видно за версту: я некрасив, робок и старомоден. Но, не желая быть таким, я пришел к тому, что стал притворяться, будто все как раз наоборот. До сегодняшнего рассвета, когда я решил сказать сам себе, каков я есть, сказать по собственной воле, хотя бы просто для облегчения совести. И начал с необычного для меня звонка Росе Кабаркас, потому что, как я теперь понимаю, это было началом новой жизни в возрасте, когда большинство смертных, как правило, уже покойники.

Я живу в доме колониального стиля, на солнечной стороне парка Сан-Нико-

лас, где и провел всю жизнь без женщины и без состояния; здесь жили и умерли мои родители, и здесь я решил умереть в одиночестве, на той же самой кровати, на которой родился, в день, который, я хотел бы, пришел не скоро и без боли. Мой отец купил этот дом на распродаже, в конце XIX века, нижний этаж сдал под роскошную лавку консорциуму итальянцев, а второй этаж оставил для себя, чтобы жить там счастливо с дочерью одного из них, Флориной де Диос Каргамантос, прекрасно исполнявшей Моцарта, полиглоткой и гарибальдийкой и к тому же самой красивой женщиной с потрясающим свойством, какого не было ни у кого во всем городе: она была моей матерью.

Дом просторный и светлый, с гипсовыми оштукатуренными арками и полами, набранными флорентийской мозаикой с шахматным узором; четыре застекленные двери выходят на балкон, который опоясывает дом, куда моя мать мартовскими вечерами выходила со своими итальянскими кухнями петть любов-